

обращение к одной из наиболее традиционных музыкальных форм испанского театра, преломленной в актуальном контексте эпохи. *Subirá J. El cuatro escénico español. Sus antecedentes, evoluciones y desintegración // Miscelánea en homenaje a Monseñor Anglés. Vol. 2. 1958–1961. P. 895–921.*

9. *Bussey W. M. French and Italian Influence in the Zarzuela 1700–1770. Michigan. 1980. Recasens Barberá A. Las zarzuelas de Antonio Rodríguez de Hita (1722–1787). Contribución al estudio de la zarzuela madrileña hacia 1760–1770. Louvain. 2001.*

10. «Деревенский философ» – один из исключительных примеров. В репертуаре мадридских публичных коллизеев XVIII века подобных случаев немного. Произведения после первого исполнения, как правило, либо забывались навсегда, либо не возобновлялись до конца столетия.

11. *Andiöc R., Coulon M. Cartelera teatral madrileña del siglo XVIII (1708–1808). Toulouse, 1996.* В 1765 году с большим успехом (32 представления) шла также постановка сарсуэлы «Pescar sin saña ni red», на текст «Le pescatrici» Гольдони в переработке дэ ла Круа; автор ее музыки на сегодняшний день точно не установлен, ее атрибутируют Бертони, Галуппи, Джонетти или Пиччини.

12. *Будыка Житкова О. К. Французский музыкальный театр в России и Испании второй половины XVIII века // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 7–13.*

13. *Madame Favart. Annette et Lubin, Comedie en un Acte et vers, mêlée d’Ariettes & de Vaudevilles. Toulouse. 1762. P. 37.*

14. Архив Муниципальной музыкальной библиотеки Мадрида (ММБМ) располагает двумя манускриптами либретто, переработанного дэ ла Круа, а также рукописным экземпляром, включающим лишь тексты музыкальных номеров (так называемый «Guión de música»). В рукописных либретто значится название «El filosofo natural» (документ под грифом Tea 1-187-42, А содержит полный текст 1-го и 2-го действия; Tea 1-187-42, В – текст 1-го действия). В «Guión de música» (гриф Tea 1-233-6) указано иное заглавие пьесы: «El filosofo aldeano».

15. *Goldoni C. Il filosofo di campagna, dramma giocoso per musica. Venezia, 1754 и манускрипт Tea 1-187-42, В (ММБМ).*

16. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Liorna. 1770–1775. T. XII. S. 466–467.*

17. Речь идет о манускриптах Tea 1-187-42, А и Tea 1-187-42 (ММБМ). Помимо имен задействованных артистов, они включают разнообразные указания по поводу манеры и поз персонажей, размещения и перемены декораций.

18. Манускрипт партитуры переработанной оперы Галуппи, предназначенной для мадридских постановок XVIII века, хранится в архиве ММБМ под грифом Mus 49-2.

19. Один из рукописных экземпляров партитуры Галуппи (Il Filosofo. Opera Bernesca. In San Samuele L’Anno 1755 / Del Sig. r Baldissera Galuppi, detto Buranello) находится в Национальной библиотеке Франции.

O. K. BUDYKA ZHITKOVA. BALDASSARRE GALUPPI'S OPERAS IN RUSSIA AND SPAIN (The second half of the XVIII century)

According to the opinion of the author of the article, the interest in Baldassarre Galuppi's creativity is one of the evidences of the Italian music theatre's fundamental importance for Russian and Spanish scene of the XVIII century. The peculiarities of spreading and staging of the repertoire musical compositions of the famous Italian composer and their influence on the cultural life in Spain in the 60s-70s of the XVIII century are represented in the article in the context of the topical theatre events during the Age of the Enlightenment.

Key words: Baldassarre Galuppi, Russian and Spanish music theatre of the XVIII century.

Е. Л. ИЛЬИНА

СПЕЦИФИКА РАЗЛИЧИЙ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ТРУДАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена проблеме качественных различий категорий «культура» и «цивилизация» и анализу функционального значения их в социуме.

Ключевые слова: культура, цивилизация, внешние потребности, духовный опыт.

История осмысления дихотомии духовная культура / цивилизация берет начало в западной культуре. Считается, что в России соответствующая проблематика получила распространение благодаря трудам Ж.-Ж. Руссо. Однако, как указывает Ю. М. Лотман, идея различия между духовной культурой и промышленной цивилизацией зародилась в русской культуре задолго до проникновения трудов Руссо в Россию [1]. Тем

не менее, нужно признать, что труды Руссо имели широкий резонанс, а его мысль о двойственности человеческого существования нашла поддержку среди передовых русских мыслителей. Так, в двух работах Н. М. Карамзина – «О древней и новой России» и «Речь, произнесенная на торжественном собрании императорской Российской Академии» – эта идея воплощена в форме противопоставления Запада и Востока, различия путей

их социального развития. Можно утверждать, что именно Карамзин заложил основу возникших позднее славянофильства и западничества (ближе к середине XIX века, в развернувшейся полемике между славянофилами и западниками, соответствующая проблематика получила свою детальную разработку).

Основное положение, выдвинутое этими мыслителями, заключалось в существовании двух начал в человеке (важна реализация их обоих в объективном мире). Если внешняя жизнь человека связана с миром социальной необходимости, то его внутренний мир – с проявлениями духовной свободы. Погружаясь в социальную действительность, человек отдается во власть ее законам, с их односторонностью и рассудочностью. От этого он сам приобретает качества односторонности, страдает одномерной узостью сознания. Славянофилы и некоторые западники, каждый по-своему, настаивали на сохранении духовной составляющей.

Данная тема найдет свое продолжение и развитие уже в конце XIX – начале XX веков в трудах наиболее крупных философов и мыслителей этого периода – В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. К. Рериха, И. А. Ильина.

В. Соловьев, так же как и славянофилы, обнаруживает в социальном устройстве западных государств деление на задачи практические и духовные, подчеркивая, что, поскольку приоритет отдан первым, следствием становится ущербное одностороннее функционирование тех сфер общественного устройства, которые традиционно связаны с духовными задачами (наука, философия, искусство). В познании начинает главенствовать позитивизм, в творчестве – утилитарный реализм. Западная поглощенность материей, когда жизнь подчинена не высшему началу в человеке, а самому человеку и его произволу, – замечает Соловьев, – уклон опасный: внешние формы жизни без внутреннего содержания становятся «мертвым капиталом», они подвижны прежде всего экономическими потребностями. Но если считать целью необходимость добывать средства к существованию, то предназначение человека как высшего существа в животном мире исчезает, остаются лишь его животные функции. Как только материальную сторону жизни человека признают принципиально и единственно важной, отпадает надобность в стороне духовной. Общественный строй превращается в плутократию, «которая есть извращение должного общественного порядка, возведение низшей и служебной по существу области – экономической – на степень высшей и господствующей и низведение всего остального до значения средства и орудия материальных выгод» [2]. Человека начинают рассматривать только как экономического деятеля.

Рождаясь в этом мире, человек неизбежно подчиняется материи, и его задача в том, чтобы осуществить сознательное и волевое овладение этой материей для преобразования и воплощения в ней высшего духовного начала. Иными словами, необходимо одухотворить мертвые формы жизни, избежать их самоутверждения. Технический апофе-

оз западной цивилизации последних десятков лет, отмечает Соловьев, все же не смог окончательно уничтожить высшие стремления человека – именно потому, что технической цивилизации недоступны сакральные глубины человеческого естества.

Обратимся к интерпретации различий культуры / цивилизации в трудах другого философа Серебряного века – Н. Бердяева. Культура, пишет он, изначально связана с религиозной практикой, культом. Она глубоко индивидуальна, неповторима и на протяжении тысячелетий детерминирована преемственностью, древностью. Она соединяет в себе не только прошлое, но и будущее, поскольку немалое количество образцов художественной культуры прогностично. Исходя из внутренних глубин человека, культура творится свободно, а не внешним императивом. Здесь неприменимы экономические оценки, поверхностность и упрощенность. Культуре под силу преобразить внутренний мир человека, чего не способна сделать цивилизация. Последняя, подчеркивает Бердяев, «имеет вид *parvenu*»: «Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа» [3]. Цивилизация лишена индивидуальных черт и есть явление, «повсюду повторяющееся». Имея нестабильный характер, она не дорожит древностью, ее формы постоянно обновляются, исчезая безвозвратно в истории народов. И если культура жива поэзией жизни, то цивилизация – ее прозой, поскольку представляет собой не сверхкультурное состояние, а докультурное.

По мнению Бердяева, начало XX века ознаменовалось восстанием против духа: восторжествовала идеализация не истинных ценностей, а социальных интересов. В такие периоды, когда на историческую сцену вступают массы обездоленного народа (стоит вначале решение экономического вопроса), принцип качества культуры, ее высшее предназначение неминуемо оказываются низвергнуты. Такое низвержение духовной культуры дает утвердиться в умах людей ее антиподу – мещанскому духу цивилизации, который «не любит вечности» и ведет к процессам варваризации и огрубения. За творческое бездействие народ расплавляется погружением во тьму невежества и низменных инстинктов. Отказ от творческой жизни духа низводит человека в самые низины материального мира. В силу этого Бердяев резко противопоставляет материальные интересы человека и культуру его духа.

Философ прозорливо замечает, что русская душа (русский характер) склонна к смешениям: относительное принимается за абсолютное; временное, преходящее ставится в ранг вечного и непреходящего. Такими преходящими формами, по мысли Бердяева, и являются блага цивилизации, в частности, одна из ее форм – техника, которая постоянно меняется и совершенствуется, однако может служить лишь неким обрамлением вечно ценного и нетленного (техническое изобретение служит цели, выходящей за его пределы как такового, таким образом, оно выступает лишь средством).

Внедрение машины в социум радикально меняло жизнь: машина «не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека; она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработает его» [4]. Механизацию и механизацию жизни Бердяев называет «таинственной силой», которая, не соотносясь ни с человеком, ни с природой, приобретает страшную власть над обоими.

Природа человека и техники «гетерогенна». Для постижения высшей культуры необходимо развитое сознание, но этого нельзя сказать о грубо материальной технике – объекте, более понятном для суженного сознания. Начиная с XX века, процесс растворения человека как природного существа стал ускоряться, поскольку, направив огромное русло своей духовной энергии на создание «механического машинного царства» (уйдя на поверхность своей жизни, на периферию своего существа), он тем самым потерял глубинную творческую суть. Другими словами, оторвал себя от своего духовного центра и, как следствие, произошло истощение его творческих сил. Отсутствие подчинения высшему неминуемо подменяется подчинением низшему, человек начинает «подчиняться природе механической машины, и это его обезличивает, обессиливает, уничтожает» [5]. Таков результат всей новой истории, трагическая ее неудача.

Однако было бы неверным считать, что бичуемый Бердяевым экономизм приравнивается им к факторам, пресекающим всякое эволюционное движение. Философ делает уточнение: «Но не хозяйствование антиэволюционно, а его отрыв от духа, культуры, возведение экономики в верховный принцип жизни...» [6]. Этап механизации может (и должен) перерасти в определенный этап постижения материальности духом и в конечном итоге освобождения от нее.

В трудах крупнейшего мыслителя рубежа XIX–XX столетий Н. К. Рериха, которые являются своеобразной энциклопедией культурной жизни эпохи, интересующая нас проблема получает следующую характеристику: «Многозначительно приходится повторять понятие о Культуре и цивилизации. К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень Культ имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни» [7].

Культура и цивилизация с глубочайшей древности являются спутниками эволюции человеческого сообщества. В первобытном обществе цивилизация выростала исключительно на основе обслуживания внешних потребностей человека. Истоки культуры не были связаны с материей человеческого существования, а исходили из неких духовных глубин человека – проявлялись в форме религиозных исканий и творчества (с помощью красок, игры на музыкальных инструментах, пения, танцев). Цивилизация, имея поверхностный

характер, под действием внешних импульсов легко могла быть разрушена – в отличие от культуры, не подверженной внешним изменениям: «Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура, как истинная духовная ценность, бессмертна» [8].

Анализируя развитие общества на протяжении последних столетий, Рерих делает вывод о закономерном отрыве культуры от цивилизации и его тяжелых последствиях. В технически развитый период возникает иллюзия благоденствия, однако улучшение быта, ускоренное развитие химии, медицины, физики, техники без духовно-нравственной коррекции ведут ко все более изощренным способам удовлетворения материальных потребностей. Кроме того, цивилизация, оторванная от духа, начинает создавать кризисы во всех сферах жизни, в том числе и в экономической – главном фундаменте цивилизации (в период Великой депрессии, упоминает Рерих, в США закрылись тысячи банков, а деньги превратились в груды бесполезной бумаги).

Исторически подтверждено, что когда происходит забвение культуры и жизнь социума хотя бы временно строится на экономике и промышленности, тогда «интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается. Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры» [9]. Условные признаки цивилизации не могут служить неоспоримым доказательством достижений общества, поскольку они временны и зависят даже от такого эфемерного явления, как мода. Внешние показатели культурности не есть еще сама культура. Под смокингом, пишет Рерих, могут скрываться самые дичайшие побуждения; и в периоды высокоразвитой цивилизации наблюдались формы крайнего огрубения и одичания человека. «С одной стороны, можно было видеть, как люди, поставленные даже в высшую степень уединения, не только не теряли, но даже возвышали свое человекообразие. И наоборот, очень часто даже среди так называемых цивилизованных форм жизни люди впадали в одичание, в звероподобность. Не будем называть примеры, ибо таковых у каждого достаточно. Все это лишь доказывает, насколько хрупки признаки цивилизации и как необходимо вспомнить о принципах культуры» [10].

По мнению еще одного крупного русского философа, И. А. Ильина, в созданной за последние столетия культуре отсутствует духовное наполнение. Ища утверждения в земной жизни, человек отверг все внутренние, высшие импульсы своей души. Религиозное созерцание, вера, совесть, творческая жизнь оказались слишком сентиментальными для общества, в котором деловитость, трезвый прозаический ум занимают важное место. Ильин констатирует, что современный человек не просто раздвоен: внешняя сторона жизни полностью поглощает его. Он отдаст внимание внешним удобствам и впечатлениям, оставаясь безразличен к нравственным, религиозным, художественным задачам жизни – превращается в «вещь среди вещей» [11]. Внешние удобства достигаются гораздо легче именно бездуховными средствами, при условии, что интриги, расчет,

жестокость и преступление считаются нормой поведения делового человека.

Рассуждая о том, что в XIX веке была сделана попытка построить духовную культуру без религии, Ильин, в сущности, говорит о цивилизации. И научно-технический прогресс, и общественные явления отсекают человека от его собственных духовных движений. Техника, капиталистическая промышленность, государственные структуры, революционное движение оторваны от духа: они развиваются от постановки внешних целей, служения приобретательским инстинктам. Даже искусство, призванное питать высшие помыслы человека, делают лишь внешним развлечением.

Одной из роковых ошибок развития мысли, считает философ, был выдвинутый некогда рациональной наукой тезис: достоверное знание может быть получено только от материальных, внешних вещей посредством опыта, через механическую проверку. Это привело к последующим техническим и хозяйственным достижениям, но это же стало причиной и неверного подхода в изучении духовных вопросов, к которым сугубо материалистический подход неприемлем (как замечает Ильин, нелепо стараться услышать музыку Бетховена, залив себе уши воском или пытаться увидеть картину, завязав глаза платком [12]); каждая деятельность требует и своих соответственных орудий, своего особого подхода.

Ильину структура человека видится состоящей из двух взаимосвязанных, но, тем не менее, различных психических слоев. Первый – чувства, мысли, связанные с внешне-телесными, второй – с внутренне-духовными ощущениями и потребностями. Если первый слой достаточно простой и «плоский», то второй образует «огромную и богатую сферу внутреннего, духовного опыта». Духовный мир не относится к грубой материи и не может быть исследован ее средствами: «Прилепившийся к внешнему опыту – не увидит реальностей внутреннего опыта» [13].

Причины отчуждения и оскудения духовных потребностей в условиях современной цивилизации, заключает философ, сложны и глубоки, но сводятся к единой формуле: происходит тотальное «торжество рассудка над вдохновением, расчета над сердцем, механического над органическим, внешнего опыта над внутренним» [14]. Внешний мир несет в себе различные формы гнета. Но усиление давления приведет человека к пониманию того, что многое во внешнем мире имеет условный характер, и только тогда он может обнаружить «внутреннюю реальность». Кризис общества и связан, по мнению философа, с переоценкой внешней чувственной жизни, которую он называет «духовным затмением» [15].

Итак, философы рубежа XIX–XX веков продолжили развивать линию социологического мышле-

ния, начатую в спорах между славянофилами / западниками. Они более определенно разграничили понятия «культура» и «цивилизация», поскольку понимали, что цивилизация создается как результат взаимодействия с материей физической реальности и для последней, но культура отражает знаки и символы действительности иной, духовной [16], и служит ее целям. Цивилизация направлена к средствам жизни, к достижению немедленных реальных результатов – практике жизни; тут господствует начало специализации, расчленения целого. Культуре свойственна духовная цельность, она стремится к сути жизни и к воплощению ее в жизненной среде. Академик Л. В. Шапошникова писала: «Культура есть явление духа творческой деятельности человека. Цивилизация, или попросту обустройство жизни человека во всех ее материальных, гражданских аспектах, есть материя этой деятельности. Оба вида деятельности, казалось бы, так тесно связанные между собой, имеют различные источники возникновения и содержат в себе различный смысл своей сути и назначения. Отождествление цивилизации и Культуры приводит к путанице понятий, к недооценке духовного фактора в истории человечества» [17].

Таким образом, культура заключает в себе творческую основу жизни всякого общества, тогда как цивилизация составляет ее внешнюю оболочку. Возможности цивилизации сводятся к достижению внешних целей, стоящих перед человеком и социумом, только культуре под силу осуществить главное их предназначение – совершенствование духовной структуры человека.

Литература

1. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 557.
2. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 414.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 248.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 118.
5. Там же. С. 120.
6. Там же. С. 171.
7. Николай Рерих: сб. ст. Ростов н/Д, 1998. С. 37.
8. Там же. С. 75.
9. Там же. С. 244.
10. Рерих Н. К. О вечном. М., 1994. С. 114.
11. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 682.
12. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1996. С. 335.
13. Там же. С. 336.
14. Там же. С. 338.
15. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 674–675.
16. Бердяев Н. А. Смысл истории ... С. 166.
17. Шапошникова Л. В. Космическая эволюция в свете культурного наследия Рерихов. М., 2011. С. 34.

YE. L. ILYINA. SPECIFICITY OF DIFFERENCES BETWEEN THE NOTIONS «CULTURE» AND «CIVILIZATION» IN THE WORKS OF RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE XIX AND THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article is dedicated to the problem of the qualitative differences between the categories «culture» and «civilization» and to the analysis of their functional meaning in society.

Key words: culture, civilization, external requirements, spiritual experience.